

грамм или только лишь общих теорий», в то время, как задача политика – «принятие общих решений» [2]. Политик должен выстроить линию действия, то есть траекторию развития и в этом ему помогают совершенно разные, противоречивые, противоположные идеи, ценности, идеалы и стимулы, которые возможно ему предлагают интеллектуалы.

Заметим, что в истории философии и ранее размышляли над проблемами отношения между интеллектуалами и политиками, да и фигура философа-короля или короля-философа не нова. Это еще раз подчеркивает актуальность данного доклада Норберто Боббио. В другой речи посвященной торжественному открытию факультета политических наук и социологии в Барселоне Боббио пишет (вспоминает Микелеанджело Боверо): «Недоверие в рассмотрении платоновской утопии философа-короля, а также в противоположном смысле короля-философа, я всегда уважительно преклонялся к кантовскому утверждению: “Бесполезно ждать, что король начнет философствовать или, что философы станут королями или хотя бы будут желать этого, так как обладание властью неизбежно портит свободу суждения разума”. Мне это утверждение кажется очень красивым, так как обладание властью – развращает» [3, р. 4].

Библиографические ссылки на источники:

1. Любин В. П. Норберто Боббио как политический философ [Электронный ресурс]. URL: http://alestep.narod.ru/lubin/lubin_bobbio.htm (дата обращения: 14.09.2010).
2. Семигин Г. Ю. Антропология мировой политической мысли [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php (дата обращения: 21.09.2010).
3. Bovero M. La Teoria generale della politica di Norberto Bobbio. Torino, 1999.
4. Mauro E. La coscienza critica in un paese estraneo [Электронный ресурс]. URL: http://www.repubblica.it/2004/a/sezioni/spettacoli_e_cultura/bobbio/coscienza1/coscienza1.html (дата обращения: 26.09.2010).

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНТОНИО ГРАМШИ

Н. О. Чемезова

студентка Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Пэрри Андерсон относит Антонио Грамши (1891–1937) к первому поколению западных марксистов, расцвет деятельности которых приходится на период первой мировой войны и последовавшей

за ней октябрьской революции. Многих из них (а к ним относятся, в частности, Лукач, Корш, Бенямин, Лефевр) отличает не только непосредственное влияние этих событий на формирование их взглядов и убеждений, но и активное политическое участие в различных марксистских организациях. Грамши не был исключением. Он родился в 1891 г. в Италии, которая на тот момент представляла собой «довольно разнородное, еще не устоявшееся вследствие лишь недавнего оформления (объединение Италии состоялось в 1861 г.), буржуазно-демократическое государственное образование, изобиловавшее разнообразными политическими течениями и тенденциями» [4, с. 2]. Рабочее движение Италии также было не устоявшимся, не организованным, разрозненным, что было обусловлено, прежде всего, отсутствием единой обоснованной научной концепцией революционного действия. Грамши принимал активное политическое участие в жизни страны начиная с 1913 г., когда он становится членом Итальянской Социалистической Партии. В 1919 г. он выступает как организатор еженедельника «Ордине нуово», участвует в движении за создание фабрично-заводских советов как формы самоуправления рабочих. Осенью 1920 г. революционное движение в Италии заметно пошло на спад, главной причиной чему стало «слабое теоретическое обеспечение и осмысление практических нужд движения к социализму итальянского рабочего класса, а, следовательно, и влияния теории на революционную организованность, проистекающую во многом стихийно и оттого часто завоdivшую в тупики» [1, с. 45]. Все это повлекло за собой оживление реакционных тенденций в политических движениях Италии, началось активное фашистское наступление, выгодно отличавшееся в этот период своей организационной стороной и решительностью. Внимательно изучая опыт Великой Октябрьской социалистической революции, Грамши приходит к выводу о необходимости создания новой коминтерновской партии в Италии. В 1921 г. вступает в ЦК Коммунистическую партию Италии, и уже в 1924 г. становится ее секретарем. Грамши подчеркивал важное значение промежуточных демократических требований в условиях фашизма, а также необходимость добиться союза с крестьянством для свержения фашизма. Политическая деятельность Грамши была прервана арестом 1926 г., который продлился практически до самой его смерти в 1937 г. Я позволяю себе остановиться на некоторых вехах биографии Грамши, чтобы отметить важную черту его философии: прежде всего она была направлена на конкретные действия в условиях сложившейся исторической обстановки и ее появление может быть осмыслено только в данном контексте. Поэтому для нее были характерны резкая критика фашизма, стремление к выработке единой стратегии революционной борьбы, а, следовательно, «программность», иногда даже «манифестацион-

ность» языка изложения. Кроме того, жесткие условия тюремного заключения вынуждали прибегать Грамши к всевозможным аллюзиям и метафорам, которые представляют определенную трудность для толкования. Тем не менее, несмотря на то, что «Тюремные тетради» были написаны революционным вождем рабочего класса, а не профессиональным философом, который по своему социальному происхождению стоял ниже любого видного ученого-марксиста как Западной, так и Восточной Европы до и после первой мировой войны» [6, с. 13], интерес к этой работе не угасает и по сей день. Кара-Мурза пишет: «Если сегодня открыть крупную западную научную базу данных на слово «Грамши» (например, огромную американскую базу данных «Диссертации»), то просто поражаешься, какой широкий диапазон общественных явлений изучается сегодня с помощью теорий Грамши. Это и ход разжигания национальных конфликтов, и тактика церковной верхушки в борьбе против «теологии освобождения» в Никарагуа, и история спорта в США и его влияние на массовое сознание, и особенности нынешней африканской литературы, и эффективность тех или иных видов рекламы» [5, с. 294].

Прежде всего, следует начать с определения философии, которое дает А. Грамши. Он отмечает, что понятие философии тесно переплетено с понятиями идеологии и мировоззрения. В этом смысле все люди являются «философами» как минимум на трех уровнях: на уровне языка (так как в нем содержатся основные ценности культуры), на уровне обыденного сознания (так как обыденное сознание обладает функцией рационализации действительности) и на уровне «народной религии», то есть фольклора, так как в нем, по мнению Грамши, содержится мудрость, накопленная многими поколениями. Такую «философию» можно отождествить с мировоззрением. Важной чертой мировоззрения является стремление выразить его в деятельности, что приводит нас к понятию идеологии как такому мировоззрению, которое «косвенно выражается в искусстве, праве, экономике, во всех проявлениях частной и общественной жизни» [2, с. 75], это есть «всякое особое воззрение различных групп одного и того же класса, задающихся целью помочь разрешению неотложных и органических задач» [2, с. 124]. Чтобы сделать переход к определению философии практики, которое напрашивается исходя из деятельного определения идеологии, важно отметить различие между истинной философией и философией здравого смысла. Истинная философия является критически осознанным мировоззрением, «индивидуальной разработкой смысла» [2, с. 252], в то время как мировоззрение человека-«нефилософа» чаще всего бывает основанным на здоровом (житейском) смысле, который он определяет как «смутные и несвязные черты мысли вообще, зародившиеся

в определенную эпоху» [2, с. 254]. Понятие здравого смысла включает в себя разнообразные мифы и предрассудки человека: «Он содержит элементы каменного века и принципы более передовой науки, предубеждения, унаследованные от всех исторических периодов на местном уровне, и зачатки будущей философии, которая будет принадлежать человеческому роду, объединенному по всему миру» [2, с. 311]. Здравый смысл является не критическим и в определенной степени несознательным. Грамши отмечает, что за счет укоренившихся в нем исторических идей человек обретает внутренне стабильное мировоззрение, которое не зависит от навязываемой идеологии правящего класса. Поэтому мы можем говорить о том, что в определенной степени именно здравый смысл является предтечей философского сознания для каждого человека. Чтобы проследить процесс, делающим такое превращение возможным, или невозможным, обратимся к учению Грамши о человеке.

Исследователь Гринько называет антропологию Грамши философией катарсиса, так как она предполагает процесс облагораживания, возвышения человека в ходе его собственного исторического развития [4]. Такое развитие становится возможным благодаря наличию у человека свободной воли: «Человек – конкретная воля, то есть действенное приложение абстрактного веления или жизненного импульса к конкретным средствам, которые реализуют эту волю» [3, с. 177]. Человек способен самостоятельно стать «Личностью» [3, с. 180], для этого ему необходимо, во-первых, придать рациональное направление своей воле, во-вторых, определить средства рационализации воли и, в-третьих, изменить условия, в которых реализуется эта воля. Но это изменение неизбежно оказывает влияние на других людей: «Поэтому можно сказать, что каждый изменяет самого себя, модифицирует себя в той степени, в какой меняется и модифицируется весь комплекс отношений, в центре перекрещения которых он находится. В этом смысле реальный философ есть и не может быть никем иным, как политиком, то есть активным человеком, изменяющим среду, подразумевая под средой совокупность отношений, к которым каждый отдельный человек имеет касательство» [3, с. 234]. Отсюда следует два главных вывода. Первый заключается в том, что человек не может быть ограничен рамками собственной индивидуальности, так или иначе он является субъектом общественных отношений и в этом смысле выступает как «коллективное существо» [3, с. 240]. Второй вывод логично вытекает из первого: коль скоро процесс развития человека неминуемо оказывается связан с его деятельностью, направленной на изменение окружающей действительности, «человек по сути своей есть существо политическое» [3, с. 285]. В то же время, воля человека далеко не всегда оказывается свободной. Правящий класс

неизбежно стремится навязать человеку ложные представления для достижения собственных корыстных интересов. Посредником между правящим классом и «народом» становится интеллигенция.

Интеллигенция выступает как «общественный слой людей, «специализирующийся» на разработке мировоззренческих и философских вопросов» [2, с. 364]. Поскольку этот процесс в большинстве случаев является государственным заказом, такое навязывание Грамши называет политическим. «Главная общественная функция интеллигенции – не профессиональная (инженер, ученый, священник и т. д.). Как особая социальная группа, интеллигенция зародилась тогда, когда возникла потребность в установлении гегемонии через идеологию. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции» [5, с. 251] – пишет Кара-Мурза. Итак, мы видим, что интеллигенция способна выступать не только как «интеллектуальный экспроприатор» народных масс, но и как освободитель этих самых масс от невольных дум, навязанных им извне. В качестве примера первой ситуации Грамши анализирует взаимовыгодный альянс государства и церкви: «Что касается широких масс управляемого и руководимого народа, то философия или религия правящей группы и ее интеллигенции в их сознании всегда превращается в фанатизм и суеверие, как типичную идеологию рабской массы. А разве сама правящая верхушка не ставит задачу увековечить такое положение вещей?» [2, с. 140]. Вторая ситуация становится возможной за счет распространения философии практики, для которой будет характерно:

1. Борьба с утопическими формами идеологий.
2. Образование группы независимой интеллигенции с целью просвещения народных масс.

Грамши разделяет интеллигенцию на традиционную и органическую. Представители традиционной интеллигенции «осознав свою историческую преемственность и свято уверовав в свое особое призвание, начинают считать себя самостоятельными, не зависящими от господствующей социальной группы» [2, с. 154]. Органическая интеллигенция отвечает потребностям определенного класса. До тех пор, пока господствующим классом остается буржуазия, органическая интеллигенция играет роль идеологического посредника. Грамши пишет о необходимости создания новой органической интеллигенции: «Деятельность нового интеллигента не может сводиться к одному лишь красноречию, которое способно только извне и на очень короткое время управлять человеческими чувствами и страстями, он должен принимать активное участие в практической жизни как строитель, организатор, «постоянный агитатор»,

а не только как мастер красноречия ради красноречия, ему должна быть чужда ограниченность абстрактно-математического мышления, от техники-труда он переходит к технике-науке и к гуманистическому пониманию истории, без которого он — только «специалист», так и не ставший «руководителем» (то есть специалистом и политиком одновременно)» [2, с. 340]. Такая интеллигенция, которая вышла бы из рядов самого пролетариата, до сих пор не заняла должной позиции в революционном социализме. Но Грамши верил, что «в долгосрочном плане будущее марксистской теории будет принадлежать органической интеллигенции, рожденной самим промышленным рабочим классом империалистического мира по мере обретения им культурных навыков и уверенности в своих силах» [6, с. 13]. Итак, именно органической интеллигенции пролетариата отводится роль стать философами-практиками, реализовать теорию в реальной жизни и использовать способность продуцирования смыслов в благих целях: возвышение «низов» до уровня критически мыслящих индивидов: «Философия практики считает, что идеологии являются реальными историческими фактами, с которыми нужно бороться и разоблачать их сущность как орудий господства, исходя не из нравственных соображений, а именно из соображений связанных с политической борьбой, чтобы сделать «руководимых» интеллектуально независимыми от «руководящих»» [2, с. 61]. Но в условиях капиталистического общества «Интеллигенты, служат «приказчиками» господствующей группы, они обеспечивают согласие широких масс населения с тем образом жизни, который диктуется господствующим классом» [2, с. 230]. Такое согласие в общем виде мы могли бы обозначить как гегемония.

Сам термин «гегемония» Грамши заимствует у Плеханова. Тот начинает использовать понятие «гегемония» в середине 80-х гг. XIX в. понимая под ним, что рабочий класс будет сам вынужден спровоцировать буржуазно-демократическую революцию в России из-за слабости и непоследовательности нарождавшейся буржуазии. В работе Лестера [6] показано как этот термин получает распространение в среде социал-демократов. В частности, он указывает, что Павел Аскельрод дополняет это понятие утверждением о том, что пролетариат сам должен играть главную роль в буржуазной революции против царизма. В таком виде этот термин перенимает Ленин, подчеркивая важную роль установления гегемонии пролетариата в революционной борьбе. В последствии, понятие гегемонии постепенно сменяется понятием диктатуры пролетариата, а после Октябрьской революции и вовсе перестает быть актуальным и «стратегически полезным». Единственным местом, где это понятие еще обсуждалось, были конгрессы Коминтерна, и именно в ходе

этих дискуссий в начале 20-х гг. Грамши сам впервые употребил это понятие. В отличие от Ленина, он наделяет гегемонии не только стратегической значимостью, но выстраивает вокруг этого термина целую теоретическую систему революционной борьбы. Кроме того, Грамши раздвигает «классовые» рамки заданные Лениным: «Для Грамши политические субъекты, строго говоря, не классы, а комплекс “коллективных волеизъявлений”»; аналогично, идеологические элементы, артикулируемые классом-гегемоном, не имеют классовой принадлежности» [7, с. 15]. Классовое единство во многом уступает культурному единству, которое выступает связующим механизмом не только на политическом, но и на этическом уровне: «На различных уровнях культура унифицируется в ряде страт до такой степени, что во взаимодействие вступает большее или меньшее количество индивидуумов, которые в разной степени понимают способ выражения друг друга, и т. д. ...Историческое действие может быть осуществлено только “коллективным человеком”, и это предполагает достижение “культурно-социального” объединения, через которое множество отдельных желаний с разнородными целями соединяются с единственной целью на основе равного и общего восприятия мира» [3, с. 302]. Класс выступает, главным образом, для стратификации по экономическому принципу, но анализ Грамши всегда был сосредоточен скорее на влиянии «надстройки» на «базис», чем наоборот. Этот отход от ортодоксального марксизма делает теорию Грамши особенно интересной, так как «узость» видения сквозь призму экономических факторов, в котором так часто обвиняют марксистскую методологию, оказывается, преодолена, и марксизм, таким образом, получает совсем иное звучание. Итак, учитывая «непредвзятость» Грамши в отношении классового принципа разделения, становится понятным, почему он отрицает однонаправленность гегемонии Ленина на интересах пролетариата, и отмечает следующую важную особенность гегемонии: «способность артикулировать различные типы интересов в признанных плюралистических, консенсусных рамках» [4, с. 9]. Вот пример установления гегемонии, который Грамши берет из событий Французской революции: «...[Якобинцы] не только организовали буржуазное правительство, то есть сделали буржуазию господствующим классом – они сделали больше. Они создали буржуазное государство, превратили буржуазию в ведущий, господствующий класс нации, иными словами, дали новому государству постоянную основу и создали компактную современную французскую нацию» [2, с. 53]. Георгий Маев проводит параллель между концепцией Грамши и философских взглядах Маркса. Еще в молодые годы Маркс и Энгельс пришли к мысли, что рабочий класс, появившись на мировой арене, в своей идеологии выходит за рамки своих корпоративных интересов и смешивает

себя со всем человечеством: «Пролетариату предстоит спасти весь мир». В «Немецкой идеологии» это свойство формулируется как закон революции: «Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества», то есть изобразить свои мысли «как единственно разумные, общезначимые» [7, с. 7]. Развивая эту мысль, Грамши говорит, что господствующий класс и для удержания своего господства постоянно поддерживает эту иллюзию общей значимости, справедливости своего образа жизни, образа мыслей. Так, буржуазия, ниспровергая феодальный строй, выдвинула лозунг свободы, равенства и братства как общечеловеческие.

В самом общем виде гегемония есть система власти, которая определяется степенью согласия угнетаемых ею народных масс и соответственно уменьшением масштабов насилия, необходимого для их подавления. Прежде всего следует уточнить что Грамши подразумевает под согласием: «Когда Грамши говорит о согласии, он имеет в виду психологическое состояние, включающее в себя некоторое принятие социально-политического устройства» [6, с. 22]. Лестер также выделяет активный и пассивный аспект в определении согласия. При пассивной форме сознание господствующего класса, его мировоззрение, его идеалы воспринимаются обществом как справедливые, истинные, как всеобщий здравый смысл: «Сознание материального бессилия больших народных масс перед лицом немногочисленных угнетателей приводит к пассивности, к непротивлению, к несотрудничеству» [6, с. 24]. Для людей, склонных к пассивной форме согласия характерны слабая теоретическая подготовка, недостаточно развитое критическое сознание, что мешает им понять причину своего недовольства и каким-либо образом выразить его. В этом случае мы можем говорить о согласии, основанном на силе государственного принуждения, которое оказывает потенциальную угрозу для всех «недовольных». Активная форма это такая форма согласия, в которой воплощены гармония между объективными интересами и нуждами на любой данной стадии и критическая способность конкретного человека и общества в целом разрабатывать направление действия, соответствующим образом соотносящегося с этими нуждами. Здесь гегемония оказывается тесно связанной с понятием гражданским обществом. Таким образом, мы приходим к необходимости разобрать функциональные особенности гегемонии в государстве и в гражданском обществе.

«Можно зафиксировать два крупных надстроечных плана: тот, что можно назвать «гражданским обществом», то есть совокупностью

организмов, обычно называемых «частными», и тот, который является «политическим обществом», или государством. Им соответствует функция «гегемонии», которую доминирующая группа осуществляет во всем обществе, и функция «прямого господства», или командования, которая выражается в государстве, в «юридическом» правительстве» [3, с. 175]. Здесь вновь стоит сделать оговорку об отношении Грамши к базису и надстройке. Особый интерес представлял для него структурно-функциональный анализ надстройки, он исследовал литературу, искусство, эстетические отношения, культуру в целом и пытался увязать свои изыскания с политическими и экономическими явлениями в историческом контексте: «В целом деятельность Грамши была постоянно нацелена на изучение надстроечных объектов, но, как никакой другой теоретик западного марксизма, он воспринимал самостоятельность и действенность культурной надстройки как политическую проблему, имеющую отношение к сохранению или свержению существующего социального порядка и заслуживающую теоретического осмысления именно с этой точки зрения» [1, с. 59], — отмечает П. Андерсон. Базис и надстройка скрепляются через идеологию и политику и «формируют исторический блок» [3, с. 203]. Г. Маев выводит такую формулу:

- 1) политическое общество + гражданское общество + базис = исторический блок;
- 2) политическое общество + гражданское общество = «блок власти», «политический блок».

Следует указать на то, что все же понятие надстройки является более широким, чем понятие «блока власти», но, учитывая нашу цель выявить политический аспект гегемонии такое упрощение допустимо. Под гражданским обществом Грамши понимает сеть частных организаций господствующего класса, прямо не включенных в аппарат государственной власти: профессиональные, культурные, общественные, религиозные, благотворительные организации и политические партии, средства массовой информации. Через них господствующий класс насаждает свою идеологию, свое мировоззрение, развивает и укрепляет свое политическое влияние, добивается поддержки своей политики со стороны союзников и подчиненных социальных групп. Лестер охарактеризовал концепцию Грамши следующим образом: «Общество является блоком различных элементов, которые объединяются в социальной практике. Грамши различает три элемента: экономический, социальный, политический. Первая из трех концепций (элементов) — «экономическое общество» — была предметом исследования Карла Маркса, который представил свою главную работу как критику политической экономии. В этом отношении Грамши руководствуется результатами работы Маркса. Вторая концепция (эле-

мент) – «гражданское или социальное общество» – означает все те импульсы, которые, выходя из изменений в экономике, пронизывают общество во всех направлениях, пересекают все его составные части и отражаются в сознании людей. Главный из этих импульсов происходит из борьбы классов и порождает классовое сознание» [6, с. 16]. Понятие «гражданское общество» Грамши применяет, как правило, для обозначения того, как аппараты гегемонии распространяют идеологию господствующего класса. Эта концепция «гражданского общества» тесно связана с концепцией «политического общества». «Политическое общество – это совокупность определенных классов и их фракций, социальных слоев и групп, которые более или менее прочно спланиваются вокруг господствующего класса» [2, с. 354]. Через понятие политического общества мы можем перейти к определению государства, которое, по словам Дж. Лестера, представляет собой сумму этого общества и всего спектра деятельности, предпринимаемого гражданским обществом, и в этом смысле мы можем отождествить его с «блоком власти». Существует также узкое определение государства как правительственного аппарата, действующего на основе формальных процедур и регулирующего свою деятельность юридическими нормами, но такое определение применяется лишь для тех обществ, которые пока еще не развили в достаточной мере гражданское общество: «Целостное (интегральное) государство» является результатом исторического эволюционного развития институционального государства в узком смысле и пока достигнуто только в более развитых «буржуазных» цивилизациях» [6 с. 25]. Таким образом, разграничивать государство и гражданское общество мы можем лишь до момента формирования гражданского общества внутри государства. После этого два этих множества неизбежно пересекаются. Анализируя причины свершившейся октябрьской революции и несостоявшейся европейской, Грамши пишет: «На Востоке государство было всем, – пишет Грамши, – гражданское общество находилось в первичном аморфном состоянии. На Западе между государством и обществом были упорядоченные отношения, и, если государство начинало шататься, тотчас выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади которой была прочная цепь крепостей и казематов» [3, с. 40]. Поэтому, по мнению Грамши, западным рабочим революционерам предстоит не только сломать аппарат принуждения, но и подорвать аппарат гегемонии, «вырвать трудящихся из-под культурного, морального, идейно-политического влияния буржуазии, разрушить «буржуазный здравый смысл» [4, с. 6]. Грамши отмечает, что первая мировая война существенно подрывала авторитет либеральной идеологии на Западе, в кризисных

условиях государство взяло на себя роль распределителя ресурсов, используя милитаристскую стратегию. Казалось бы, гражданское общество, таким образом, было значительно ослаблено, но буржуазии все-таки удалось сохранить свою гегемонию, что и привело к поражению европейской революции. Этот пример наглядно демонстрирует нам, что экономические факторы не могут противостоять многовековой культурной традиции.

Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя «совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков» [1, с. 39]. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля» [3, с. 152], направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли является главным условием революции. Создание этого условия – «молекулярная» агрессия в культурное ядро: «Огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве» [3, с. 64]. «Массы как таковые, – пишет Грамши – не могут усваивать философию иначе, как веру» [2, с. 101]. И в качестве примера он обращает внимание на церковь, которая поддерживает религиозные убеждения посредством непрестанного повторения молитв и обрядов. Через неустанное повторение одних и тех же идей, в повседневном сознании постепенно формируется привычка к этим идеям, люди начинают воспринимать их не разумом, а на веру. С одной стороны, обыденное сознание является достаточно консервативным, но, с другой стороны, оно легко поддается «корректировке». Здесь Грамши вновь обращается к «здоровому смыслу» «низов», в частности пролетариата, который, по его мнению, готов к восприятию коммунистических идей. Здравый смысл буржуазии, напротив, следует подавлять «внедряя в сознание фантастические мифы» [5, с. 174]. Учитывая, что всегда найдутся противники подобного внедрения, особенно со стороны господствующего класса, можно предположить о существовании в рамках любого общества классовой борьбы за гегемонию.

Как уже было сказано ранее, гегемония распространяется через различные институты культуры: через образование, литературу, церковь, прессу, партии и ассоциации. Таким образом, чтобы получить «доступ» к гегемонии необходимо доступ к управлению

этими институтами. Однако если мы имеем дело с развитым государством, то мы должны также заручиться поддержкой гражданского общества для установления гегемонии. С учетом того, что преимущество изначально будет у класса, который пытается сохранить существующую гегемонию, а не утвердить новую, действовать следует чрезвычайно осторожно, так как функция гегемонии обладает мощной политической силой, которая с легкостью может обрушиться на любого, покусившегося на заведенный порядок вещей. Кроме того, когда методы убеждения перестают действовать, господствующий класс прибегает к методам принуждения, применяет силу, закон, установленный «политическим обществом», то есть государственным аппаратом. Учитывая все эти трудности, оптимальным вариантом ведения борьбы за гегемонию Грамши выбирает тактику позиционной борьбы. Такая борьба должна включать в себя «устойчивое проникновение и нарушение сложных и многочисленных механизмов» [2, с. 196] (здесь, прежде всего, имеются ввиду механизмы культуры). «В действительности, позиционная война – это процесс идеологической борьбы, посредством которой два основных класса пытаются присвоить неклассовые идеологические элементы для того, чтобы интегрировать их в идеологическую систему, которая артикулирует себя вокруг их соответствующих гегемонистских принципов. Следовательно, это только этап в борьбе, этап, в котором новый гегемонистский блок цементирует себя, но это решающий момент...» [1, с. 56]. Грамши также рассматривает различные варианты поведения «правящего блока» в условиях такого наступления. Эти альтернативы подробно классифицировал Лестер. Во-первых, находящимся у власти выгодно поддерживать раздробленное состояние сил противника. Этого удастся добиться либо за счет достижения согласия с отдельными членам группы, «либо путем включения лидеров потенциально антагонистических групп в элитные рамки сферы гегемонии» [6, с. 23]. Интересно отметить, что такие манипуляции Грамши рекомендует проводить гегемонам не только в случае реальной опасности, но и для профилактики возможных конфликтов. В случаях, когда механизмы гегемонии уже не столь прочны, существует возможность прибегнуть к усилению всевозможных бюрократическим барьеров. «Как утверждает Грамши, одним из очень важных последствий поиска убежища в бюрократии является способ вытеснения процесса представительства и достижения согласия технической компетентностью» [6, с. 24]. И, наконец, в крайнем случае приходится использовать механизм господства. Таким образом, если большинство вопросов в государстве решается посредством насильственного принуждения, мы можем сделать вывод и внутренней слабости этого

государства: «Если правящий класс потерял свой консенсус, то есть уже больше не является “руководящим”, а только “господствующим”, опирающимся исключительно на силу принуждения, то это означает, что большие массы людей были отделены от их традиционных идеологий и больше не верят в то, во что они до этого верили и т. п. Кризис конкретно состоит в том, что старое умирает, а новое не может родиться. В этом междуцарствии появляется большое многообразие болезненных симптомов» [3, с. 250]. По мнению Грамши, истинная политическая стадия борьбы за гегемонию наступает тогда, когда «ранее порожденные идеологии вступают в конфронтацию и конфликт, продолжающийся до тех пор, пока не проявится тенденция к преобладанию одной из них или, по крайней мере, единственной комбинации из них» [3, с. 254]. Это приводит «не только к единению экономических и политических целей, но также и к интеллектуальному, и моральному единству, рассмотрению всех вопросов, вокруг которых разворачивается борьба, не в корпоративной, а в “универсальной” плоскости и, тем самым, к созданию гегемонии основной социальной группы над рядом подчиненных групп» [3, с. 263]. Далее он пишет: «Что имеет значение, так это критика, которой подвергается этот идеологический комплекс со стороны первых представителей новой исторической фазы. Эта критика делает возможным процесс дифференциации и изменений в относительном весе, которым обычно обладали элементы старых идеологий. То, что ранее было вторичным, второстепенным или даже случайным, теперь становится первичным – ядром нового идеологического и теоретического комплекса. Старая коллективная воля распадается на свои противоречивые элементы, поскольку подчиненные элементы социально развиваются» [3, с. 274]. В данном случае Грамши, как он сам поясняет, не имеет в виду внезапное или даже тотальное разрушение когда-то коллективной воли гегемона, этот процесс гораздо более постепенный. Прежде всего, единство коллективной воли медленно размывается или растворяется. Затем базовые элементы старой коллективной воли могут быть «просеяны» с целью определить, что может быть использовано в рамках структур новой коллективной воли. Что касается действительно решающего победного момента в борьбе за гегемонию, то, как утверждает Грамши, коллективная воля будет успешно доминировать в случае, если ей удастся стать “народной религией”. То есть, по мысли Грамши, когда она будет впитана здравым смыслом данного общества.

Таким образом, центральной категорией философии Грамши становится понятие «гегемонии». Именно через него он рассматривает вопросы о сущности человека, об истинности познания,

о взаимоотношениях культуры и государства, о гражданском обществе. Этический аспект гегемонии оказывается напрямую зависим от степени осознания человеком роли собственных действий в устройении собственной жизни и жизни всего общества. Если индивид пассивен и не заинтересован в изменении окружающей действительности, то его сознание через механизмы гегемонии оказывается подверженным манипуляциям со стороны властных структур. Если же человек принимает позицию равнодушного к творению истории субъекта, то он сам оказывается вправе диктовать условия установления гегемонии.

Библиографические ссылки на источники

1. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.
2. Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. М., 1991. Т. 1.
3. Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. М., 1991. Т. 2.
4. Гринько В. Антонио Грамши – философия катарсиса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru> (дата обращения: 10.12.2009).
5. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2004.
6. Лестер Д. Теория гегемонии Антонио Грамши и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org> (дата обращения: 20.12.2009).
7. Маев Г. Грамши о гегемонии [Электронный ресурс]. URL: <http://avtonom.org> (дата обращения: 13.12.2009).

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ УЛЬРИХА БЕКА

А. А. Шарипова

*студентка Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

В работе «Что такое глобализация?» немецкий исследователь в области социальной философии и теоретической социологии Ульрих Бек вводит категорию транснационального социального пространства, которая позволяет ему объединить под общим названием «глобализация» процессы в сферах политики, экономики, культуры, экологии и др., которые, по его мысли, обладают собственной внутренней логикой [3, с. 55]. Глобализация характеризуется как «не связанные границами повседневные действия в различных измерениях экономики, информации, экологии, техники, транскультурных конфликтов и гражданского общества...» [3, с. 44] В политической сфере она означает «размывание» суверенитета национального государства в результате действий транснациональных